

30.09.93

Книппер-Чехова О.Л.

В день 21 сентября те, кому дорого искусство Художественного театра, вспоминали самую «чеховскую» его актрису — Ольгу Леонардовну Книппер-Чехову. Она родилась 125 лет тому назад.

Между тем, и встречей с Чеховым, и его вниманием она обязана была как раз начинающему театральному делу. Хрестоматийно известен его первый отклик с репетиции «Царя Федора»: «Ирина, по-моему, великолепно. Голос, благородство, задушевность — так хорошо, что даже в горле чешется... Если бы я остался в Москве, то влюбился бы в эту Ирину».

Если бы ему не стукнуло уже тридцать восемь и жизнь не была бы накатанной колеей, можно было бы сказать, что это была любовь с первого взгляда. Но до венчания оставалось еще более двух с половиной лет.

О том, что Чехов не ошибся в своих первых впечатлениях, свидетельствуют такие «авторитетные источники»,

одной удалось окрестить моего брата!» — могло на долгие годы сроднить семью Чеховых и Книпперов.

Если бы в это сумбурное время Мария Павловна могла сквозь магический кристалл заглянуть в будущее, она должна была бы признать, что 25 мая 1901 года, день бракосочетания если и не самый счастливый, то безусловно самый удачливый день в ее долгой жизни, ибо сохранить и приумножить память не «созвучного» Чехова в последующие полвека войн и революций, они могли только вместе — освещая со временем в Ялте сестра и отличная знаменитая невестка. Их отношения, начавшиеся на заре Художественного театра, вопреки всем ревностям и шероховатостям, все

ся, мамуся моя дивная, половинка моя хорошая, подружка моя, радость, прелесть моя, дуся моя насекомая, Оля моя, жена моя, милый мой, удивительный дусяк, милый мой, глупенький пупсик — и так далее, это лишь малая часть), вычитать, насколько полной была их интимная жизнь. Любовь, тоска, раздражение, близость, болезнь, отчаяние и надежды — всего этого хватило бы на иную долгую жизнь. И, разумеется, искусство, ибо если совместной жизни было не так и много, то совместное творчество было всегда — это не так часто даже в длинном и безоблачном браке.

Всегда очень скуплеузный в делах материальных, формального ду-

ЖЕНА ВЕЛИКОГО ПИСАТЕЛЯ

Быть женой великого писателя — нелегкий удел для женщины ни при жизни, ни в истории. Особенно в России, где писатель рассматривается скорее как национальное достояние, нежели как суверенная личность. Ближние люди, современники, биографы и исследователи обычно лучше самого писателя знают, какую жену ему надлежало выбрать и как им следовало жить. Язывительная шутка Пастернака о пушкинистах, которые желали бы женить Пушкина на себе, увы, действительна не только по отношению к Александру Сергеевичу.

История позднего брака А. П. Чехова и О. Л. Книппер — одна из самых документированных «любвных историй» в мировой литературе — по сей день вызывает кривотолки, называть которые «сплетнями» не позволяет только лишь почти столетняя давность событий.

При этом незапятнанное имя О. Л. Книппер-Чеховой в истории русского театра, в том числе как первой и неповторимой исполнительницы чеховских ролей, создательницы образа «чеховской женщины» на сцене и в жизни существует как бы отдельно, не совпадая до конца с «женой великого писателя». Этой последней, с другой стороны, как бы и не положено иметь свою собственную творческую судьбу и жизнь. В отечественной традиции «жена великого писателя» скорее социальная роль, нежели личность.

Между тем, призвание и сцена достались Ольге Леонардовне не легко и не рано. Понадобилось разорение семьи и смерть отца, чтобы светская барышня, получившая отличное воспитание — музыка, рисование, три европейских языка, эlegantность — испытала необходимость зарабатывать собственным трудом, а, говоря иными словами, получила свободу самоосуществления.

«Ох, Олюха! — писал ей старший брат Константин с Кавказа, где он работал на прокладке тоннеля, как инженер-путеец, — ну, съедете на меньшую квартиру, будете меньше тратить — что ты потеряешь? Будешь мыться мылом не в 50 коп., а в 20 коп., — поубавится комфорту, но зато убавится и таких заноз, вроде киянгины Марьи Алексеевны».

«Вот кабы ты нашла работу такую, которую не можешь делать, когда хочешь, а именно тогда, когда она должна быть сделана — совсем другой разговор».

«Если бы ты знала, как это подтачивает нервы, как это не дает расслабиться, какое жизнерадостное настроение является при сознании, что аз есмь единица, что меня нельзя вычеркнуть из жизни, что я нужен, что на мне лежит известный нравственный долг по отношению к другим...»

Это очень «книпперовское» письмо. В начинающемся театре О. Л. как раз и нашла такую работу, и ощутила нравственный долг по отношению к «делу». Может быть, оттого, что разорение было в то время и освобождением, она, привыкшая с детства к известному уровню состоятельности, никогда не была озбочена материальными благами. Не выполнила она и предназначения, для которого учили ее и танцам, и перью, и нежностям, и вздохам: у подруг дети уже пошли в гимназии, а девица Книппер вместо этого стала актрисой.

как К. С. Станиславский и В. И. Немирович-Данченко. Прочитав кривое, режиссерское и потому особенно зоркое свидетельство К. С. из письма к В. И., в котором он преддлагал Книппер на вышеуказанную роль Ирины: «В ней было что-то манящее, что так нравилось иностранцам, которые в своих летописях воспевают ей хвалу. В ней было много женственности, царственности. По-моему, она была аристократкой среди мужиков бояр. Все это есть у Книппер». В. И. напишет Ольге Леонардовне четверть века спустя: «Вы были очень пленительная». Теперь и слова-то такого — протяженного, скрытного — нет в употреблении. О победительнице конкурса красоты, манекенщице или секс-бомбе не скажешь «пленительная».

Однако, пока роман начнется и войдет в критическую фазу, Чехов успеет постронть дом на Аутке, а Книппер стать ведущей, как нынче говорят, актрисой Художественного театра и загадочной подругой Марии Павловны Чеховой. Это если и облегчит впоследствии вопрос о браке, то не снимет первого шока. Братья Антона Павловича были людьми женатыми, его же привыкли уже считать пожизненным холостяком.

На самом деле история всякого брака — тем более позднего — сложна и многослойна, а область любви гораздо шире, чем влюбленность мужчины и женщины или эротика. Страстная ревность С. А. Толстой относилась, как известно, не к сопернице, а к духовной близости Льва Николаевича с Чертковым; точно так же препятствием к браку Чехова была ревность его семьи — как «мамаша» так и сестры. На роман с актрисой готовы были смотреть сквозь пальцы. Для барышни же из хорошего дома, какой была Ольга Леонардовна, «романтик с Протопоповым», да еще на глазах всей труппы, едва ли был приемлем. Сам Чехов, как известно, боялся «венчанья, поздравлений, и шампанского, которое нужно держать в руке и при этом неопределенно улыбаться». Поэтому момент тщательно скрываемой свадьбы в жизни и в эпистолярном ее отражении — приобрел отчасти драматический, отчасти бурлескный оттенок.

Пока А. Л. Вишневному было поручено собрать родственников обоих брачующихся на некий необозначенный званый обед, новобрачные улизнули Бог знает куда, в село Аксеново, на прописанный Чехову кумыс. Уже на кумысе догнала Антона Павловича старое письмо сестры, где она отсоветовала ему жениться («если тебя любят, то тебя не бросят»), и ему пришлось оправдываться самым удивительным образом, что-де ему уже сорок, у жены добродетельная родня, что разойтись всегда можно и, паче всего, что «она самостоятельный человек и живет на свои средства». Затем, важно соображение, что эта женитьба несколько не изменила образа жизни ни моего, ни тех, кто жил и живет около меня».

На самом деле, если бы Ольга Леонардовна хотела стать примерной женой в глазах иных будущих «чеховистов», она должна была как минимум сделать то, что сделала А. Г. Достоевская: разлучить Чехова с семьей; «коммунальная» жизнь в те поры едва ли была и возможна. Этого она себе позволить не могла и сделала то, что, скорее всего, ожидал от нее Антон Павлович: осталась в театре и это одно — при всех «выясняловках» («ну, милая моя Олечка, тебе только

больше становились глубоко-родственными. Во всяком случае, ни для одной, ни для другой более близкого человека, чем «Маша» и «Оля» на свете не было. Это могло быть только благодаря неизменной порядочности.

Что до Антона Павловича, то из обширной переписки его с женой (два тома изданы, третий лишь выборочно), любой непредвзятый читатель поймет, что его семейная жизнь была короткой, трудной, но на редкость интенсивной. Чехов с видимым облегчением принял положение супруга. Не надо быть сексологом, чтобы из одного только перечня прозвищ и образцов, которыми наделял Чехов жену (собака, тараканша, Дуся моя, балериночка, милошка, глупенькая, рыжая собака, супружница, ангел мой, милая девочка, жидовочка, бедняжка, моя радость, актриска, бабуся, книппиц, детчуша, свет мой, собака Оля, дочка моя, немчуша, жена моя, венгерек, песик, дусяк, голубка моя — и длиннее — эксплуататорша души моей, замечательная женщина, моя славная, моя замечательная актриска, жестокая, свирепая женщина, мило-

хového завещания Чехов не оставил: написал только вскоре после свадьбы письмо на имя Марии Павловны, которое хранилось дома, а после смерти, по преданию, Книппер привезла его из Ваденвейлера. В нем обозначены с чеховской доходностью и 100 рублей крестьянам Мелихова, и плата в гимназию за дочь знакомого, и, конечно, распределение имущества в семье. «Милая Маша, завещаю тебе в твоё пожизненное владение дачу мою в Ялте, деньги и доход с драматических произведений (прочие, как известно, были проданы А. Ф. Марксу), а жене моей Ольге Леонардовне — дачу в Гурзуфе и пять тысяч рублей... Выдай брату Александру три тысячи, Ивану — пять тысяч и Михаилу — три тысячи... Помогай бедным. Береги мать. Живите мирно».

Все это опубликовано и известно. О том, сколь бескорыстно и скуплеузно вдова выполнила волю Антона Павловича, узнать можно из юридических документов по делу о наследстве. Согласно закона, наследниками являлись вдова и братья; сестра не вхо-

дила в их число (по-видимому, считалось, что женщина уходит в семью мужа).

«1905 года Февраля 11 дня», ввиду отсутствия духовного завещания, состоялось «Постановление Московского Окружного суда по делу о введении в права наследства О. Л. Чеховой, Александра, Ивана, Михаила Павловичей Чеховых».

Затем 1905 года Марта восьмого дня: был составлен «Акт о даре от наследников на имя М. П. Чеховой»: «Мы, старший учитель Иван Павлович Чехов и Присяжный Поверенный

Василий Алексеевич Маклаков, действующий в качестве поверенного вдовы врача Ольги Леонардовны Чеховой, Коллежского Ассессора Михаила и Губернского Секретаря Александра Павловичей Чеховых — с одной стороны и с другой — домашняя учительница Мария Павловна Чехова, составили этот акт о даре в следующем: Ольга Леонардовна, Иван, Михаил и Александр Павловичи Чеховы подарили Марии Павловне Чеховой свое право на получение в ее полную собственность всех доходов и прибылей, которые будут следовать дарителям в их пользу, как наследников покойного врача А. П. Чехова, от всех его литературных произведений театральных пьес, спектаклей — словом, всех тех имущественных выгод, которые перешли к дарителям, или иначе связаны с его литературным именем и которые перешли к дарителям от Антона Павловича Чехова согласно определения Московского Окружного суда от одиннадцатого Февраля тысяча девятьсот пятого года. Я, Мария Чехова, даримое имущество принимаю... Далее следует доверенность, «явленная у Московского Нотариуса Александра 16 Февраля 1905 года, по реестру за № 742», которой Мария Павловна уполномочивается получать «из всех банков, не исключая и государственного, от кредитных учреждений и вообще от кого и откуда будут следовать деньги, процентные бумаги и ценности всякого рода, следующие... Ольге Леонардовне Чеховой в указанной части по наследству после-ея покойного мужа Антона Павловича Чехова...».

Движимость исчислялась в 42.177 р. 37 к. процентных бумаг и 6.122 г. 88 коп. денег. Что до «недвижимости», то и на это есть «Выписи из крепостной симферопольского Нотариального Архива книги по Ялтинскому уезду за 1905 г. № 10», согласно которой официальные наследники, явившись «к Московскому нотариусу Валериану Дормидонтовичу Плевако, в контору его Тверской части по Воскресенской площади в доме Корзинкина» совершили «раздельный акт», по которому вдове отошло имение «при деревне Гурзуф», ценою в 3.110 р., как то и завещал писатель, Ивану имение «при деревне Кучукой» ценою в 8.000 р., а Александру и Михаилу «имение при деревне Аутка» ценою в 12.971 р. 58 к., «разделом этим делившиеся должны оставаться навсегда довольными и о переделе не просить». Разделом все и навсегда остались довольны, Аутка перешла к Марии Павловне и со временем стала музеем Чехова.

При этом Ольга Леонардовна продолжала жить на жалование — долг знаменитой портнихи Ломановой за туалеты к «Вишневному саду» тянулся еще пару лет, а 5000, завещанных Чеховым, были впоследствии вложены в процентные бумаги. Мария Павловна же к моменту революции была в относительном достатке.

Но и после революции, и в годы эмиграции распоряжения Чехова продолжали выполняться с неизменной щепетильностью. Мария Павловна взяла на себя заботы о Гурзуфе — поддерживала его, сдавала в наем, а Книппер посылала доходы от спектаклей Чехова, в какой бы стране они ни игрались. Со временем, когда была основана еще и компания Чехова в Румянцевском музее, а «движимость» потеряна, обе дамы вкладывали собственные средства в поддержание памяти Чехова. Мария Павловна вместо того, чтобы чинить туфли, ремонтиро-

вала, как могла, ялтинский дом, а Ольга Леонардовна отдавала деньги в Румянцевский музей. В самые трудные годы они поддерживали друг друга: из Москвы в Ялту шли послынные посылки — конфеты или кофе, из Ялты — цветы чеховского сада. В 1947 году, когда обеим дамам было порядка восьмидесяти, приказом Сталина доход от пьес был поделен пополам.

Когда-то Чехов писал жене: «Я тебе вот что скажу: потери и помолчи только один год... Что бы тебе ни говорили, что бы тебе ни казалось, ты молчи и молчи. Для тех кто женился и вышел замуж, в этом непротворении в первое время скрываются все удобства жизни. Послушайся, Дуся, будь умницей!» Так или иначе, но она выполнила все чеховские заветы и со временем отношения обеих женщин — сестры и жены, а с ними и обеих семей — Чеховых и Книпперов — стали чем-то гораздо большим, чем долг и дружба. Мария Павловна дружила с Лулу — женой Константина Леонардовича, в «гражданку» заботилась о Лева — будущем композиторе Книппере; Софья Владимировна — жена Ивана Павловича — после смерти мужа поселилась в семье Ольги Леонардовны. А однажды обе бездетные дамы стали «бабушками» общей внучки. С годами визиты «Маша» в Москву, к невестке, стали традицией, как и путешествия «Оли» в Крым — в Ялту и Гурзуф.

Это обширная и увлекательная сага двух семей, охватывающая не только Ялту и Москву, но Европу и Америку, и возможна она стала благодаря щепетильности и интеллигентности обеих сторон.

«...Когда — еще в советскую эпоху — я читала все эти слова — «банки», «процентные бумаги», «земельные участки», франки, обмененные Книппер для удобства на доллары и переданные в Ялту с оказией из эмиграции, — все это было для меня экзотикой из «другой жизни». Ничего, в наше многообразно-криминальное, коррумпированное снизу доверху время, перечитать старые выписки из судебных постановлений и нотариальных актов, я впервые в полной мере поняла, что наследство, которое оставил Чехов пестрому семейству, состояло не только в движимости, недвижимости, литературных правах, но, главным образом в его уверенности, что все по отношению друг к другу будет порядочно. «Порядочность» — слово, так же испарившееся из обихода, как старомодная «пленительность».

Недаром же, в упомянутой выше дарственной на литературные права стояли следующие слова, звучащие ныне пророчески: «Цену даримому имуществу стороны не определяют, за невозможностью определить таковую в настоящее время».

Тысяча девятьсот пятого года, Марта восьмого дня...

Майя ТУРОВСКАЯ.